

ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АГЕНТА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

М. Ю. Чурилин

Институт экономики РАН, Москва, Россия

Т. А. Валиулина

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

В статье анализируются свойства модели *homo economicus* и пространства, в котором она функционирует. С позиций физикализма объясняются принципы, которые лежат в основе этой квазиестественно-научной модели. Также приводятся аргументы, позволяющие сделать вывод об изменениях требований к экономическому агенту в институциональной экономике. Соответственно, с естественно-научной позиции выдвигается гипотеза о том, как новые свойства агента могут быть таксономично вписаны в экономическую теорию для иллюстрации развития актора. Кроме того, делается вывод о необходимости дополнения представлений о пространстве, в котором может быть определен экономический агент. Авторами приводятся аргументы в пользу того, что невозможно полноценно определить агента экономики и пространство, где он функционирует, используя метафоры только из естественных наук. Выдвигается гипотеза о том, что модели пространства и агента должны быть дополнены социальными свойствами. С учетом этих дополнений предлагаются определения таких понятий, как формальные и неформальные институты, организация. В заключение сделан вывод об ограниченности использования физикализма в экономике.

Ключевые слова: агент экономики, принцип наименьшего действия, пространство труда, институционализм, социоэкономическое пространство.

CHANGES IN MODELS OF ECONOMIC AGENT AND ECONOMIC SPACE

Maxim Yu. Churilin

Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia

Tatiana A. Valiulina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

The article analyzes characteristics of *homo economicus* model and space, where it functions. Principles underlying this quasi-natural scientific model are explained in view of physicalism. Arguments are also provided that allow us to make a conclusion about changing requirements to economic agent in institutional economy. Therefore, from the natural scientific position a hypothesis is advanced that new characteristics of agent can be taxonomically included in economic theory to illustrate the actor's development. Apart from that a conclusion is drawn about the necessity of additional notions concerning space, where economic agent can be defined. The authors provide arguments in favor of the fact that it is impossible to define utterly the agent of economy and space of its functioning by using metaphors only of natural science. A hypothesis was put forward that models of space and agent shall be supplemented by social properties. With regard to these supplements definitions of such notions as formal and informal institutes, organizations are advanced. And finally a conclusion was made about the limited use of physicalism in economics.

Keywords: agent of economy, principle of minimum action, labour space, institutionalism, socio-economic space.

Введение

Актуальная модель *homo economicus* часто подвергается критике. Например, Дж. Ходжсон одну из

глав своей книги озаглавил «Прощай экономический человек» [20]. И чтобы проанализировать эту модель и дополнить ее, мы попробуем сформулировать предпо-

сылки, которыми руководствовался А. Смит при ее формировании, и экстраполировать их в контексте научных картин мира¹. Напомним, что эта модель появилась под влиянием механистической картины мира, о чем говорит, например, профессор С. Линденберг [23], а на сегодняшний день сменились уже три научные картины мира: механистическая, электродинамическая и квантово-релятивистская [14]. Кроме того, естественные науки продолжали влиять на экономику и во время ее становления [6].

Со времен ученого модель экономического агента концептуально не менялась, а лишь получала доопределения и теперь кристаллизовалась в образе рационального максимизатора выгоды. Можно сказать, что в рамках изучения институциональной экономической теории эта функциональная модель все чаще подвергается критике, например, в статье Р. И. Капелюшниковой [5].

Для человека естественно формировать свой выбор, опираясь на социальные факторы и институты, на что указывал, например, Т. Веблен [3]. Однако когда мы говорим об агенте экономики, мы словно перемещаем объект физического мира – домохозяйство в экономическое пространство, где он становится тем самым максимизатором полезности. Чтобы определить агента в этом пространстве, обратимся к изучению свойств этого пространства.

Физикалистское понимание пространства труда

Для того чтобы переносить принципы, аналогичные естественно-научным, в экономику, потребовалось по умолчанию согласиться, что в этом экономическом мире все устроено по аналогии с миром физическим.

С нашей точки зрения, понятия физического мира, которые нашли аналогии в

экономическом мире, – это представление о том, что пространство абсолютно и изотропно. Это означает, что наблюдаемое явление не зависит от точки, в которой находится наблюдатель, и два любых направления неотличимы друг от друга. Понятие времени также показывает, что оно абсолютно. То есть уравнения, сформулированные в классической механике, не зависят от направления течения времени. Можно сказать, что если повернуть вспять время, то события, которые мы наблюдали, произойдут в обратной последовательности, так что в итоге мы зафиксируем систему в первоначальном варианте, какой она была до взаимодействий.

В указанном пространстве можно ввести понятие «изоморфизм», так как оно актуально для инерциальных систем отсчета, к метафоре которых мы прибегнем, рассматривая понятие организации. В физике два пространства называют изоморфными в случае, если между их объектами может быть установлено однозначное соответствие. Это правило называют «изоморфизм пространства». Так как в исследовании мы апеллируем к методологии физикализма, нас в первую очередь будет интересовать интерпретация такого математического термина, как изоморфизм в физике.

В экономическом мире аналогии этих представлений помогают сформировать пространство, идентичное для всех участников глобального рынка². То есть независимо от места в пространстве труда или в экономическом пространстве товар будет везде иметь идентичные правила сбыта и формирования цены.

Под экономическим пространством, на котором могут быть заданы координаты объектов экономики, мы будем подразумевать множество точек, однозначно описывающие их состояние. В пространстве задана аксиоматика, согласно которой можно определить функцию перемещения объекта, т. е. изменение координат, описы-

¹ Картина мира – система взглядов и суждений, сложившихся в результате серии взаимосвязанных открытий, которая приводит к пересмотру методов, критериев и идеалов научности [4].

² Будем считать, что экономические принципы, сформулированные А. Смитом, экстраполировались на модель глобального рынка.

вающих его местоположение, а также математические действия, которым эта функция подчиняется. По сути, это пространство труда, которое объективируется экономическими показателями.

Экономическое пространство, выстроенное в механистической логике, может быть смоделировано по той же программе, как и пространство физическое, в котором на место координаты объекта ставился бы труд агента. Определим свойства пространства труда путем переноса метафор физического пространства и законов, в нем сформулированных.

Определим пространство труда как координатную плоскость, на осях которой откладываются труд и время (рис. 1).

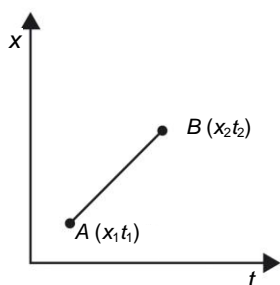

Рис. 1. Перемещение агента в пространстве труда

В неоклассическом представлении в этой плоскости все действия или труд, совершаемый агентом экономики, направлены на производство товара (товарной стоимости). Одним из случаев становится вариант, когда пространство труда совпадает с физическим пространством, т. е. труд, затрачиваемый агентом, идет на физическое перемещение товара по траектории. Можно сказать, что такие случаи изучаются в рамках экономической географии.

Мы предполагаем, что r задает радиус-вектор до точки, в которой оказывается агент при совершении экономического действия, т. е. он перемещается в пространстве труда $r(t)$. dr/dt – аналог производительности труда. Заметим, что экономическое действие агента может быть описано в одномерном пространстве, т. е. век-

тор r сводится к изменению лишь координаты x .

Можно сказать, что в случае, когда агент направляет все свои действия на производство стоимости и удовлетворение собственных потребностей (т. е. действует по модели *homo economicus*), он является «одномерным человеком» [9].

Совершая труд $(x_2 - x_1)$ за время $(t_2 - t_1)$, агент перемещается из точки A в точку B в пространстве труда.

В этом пространстве введем понятие производительности труда как приращение труда агентом за рассматриваемый промежуток времени:

$\partial x / \partial t$ – производительность труда.

При рассмотрении агента, у которого производительность труда постоянна, его экономическая деятельность на графике будет выражена прямой.

Соответственно, в этих аналогиях можно ввести:

$\partial / \partial t (\partial x / \partial t)$ – изменение производительности труда.

Так как наше исследование носит метафорический характер, то мы по умолчанию будем считать, что требования о гладкости, непрерывности и дифференцируемости всех функций выполнены. Такое возможно, например, в ситуации, когда модельный агент типа *homo economicus* непрерывно и целенаправленно совершает труд.

Сделаем важный вывод: при действии внешних сил на экономического агента единственной возможной реакцией на него становится изменение производительности труда. То есть независимо от природы сил, воздействующих на агента, будь то конъюнктура или встреча с другим агентом, в ответ агент может только изменить свою производительность труда.

Такая модель пространства в экономике может быть названа вальрасианской. В нем объекты подчиняются рыночной логике [1], регулируемой «невидимой рукой рынка», как естественному закону. В исследовании мы будем апеллировать к концепции Л. Болтански, который выделяет шесть

логик, согласно которым агенты могут структурировать свои социальные представления о справедливости значимым для экономики образом. Так, в рыночной логике, по сути, общество максимально атомизировано, что убирает необходимость измерения социальной значимости действий агентов.

Для физики эти свойства (абсолютность и изотропность) пространства позволяют ввести функцию Лагранжа – Гамильтона¹, с помощью которой выводят закон сохранения энергии и закон сохранения импульса. Заметим, что эти законы сохранения можно вывести и из второго закона Ньютона.

Принцип наименьшего действия как базовый принцип природы и его интерпретация в экономике

В классической механике принцип наименьшего действия постулирует, что физическая система всегда следует траектории с наименьшим действием. Это значит, что объекты как будто самостоятельно выбирают для своего движения путь таким образом, чтобы их перемещение носило максимально эффективный характер. Например, выбирают такую траекторию, чтобы встречать наименьшее сопротивление со стороны сторонних сил. Так, свет, переходя из одной среды в другую, выбирает такую траекторию, двигаясь по которой он затрачивает минимальное время [22].

В классической механике это может быть выражено формулой (здесь и далее мы ограничимся рассмотрением систем с одной степенью свободы)

$$\delta S[x] = 0,$$

где S – действие; правило, которое для любого $x(t)$ позволяет найти скалярную величину.

Действие может быть записано с помощью лагранжиана системы

$$S[x] = \int L(x(t), x'(t), t) dt,$$

¹ Это функция (или оператор), зависящая от координат, импульса и иногда времени. С ее помощью определяют объект в пространстве.

где $S[x]$ – действие, которое совершает объект при переходе из точки A в точку B .

Здесь $x(t)$ и $x'(t)$ являются полным набором координат и скоростей системы с одной степенью свободы. В физике этот частный случай рассматривается в рамках задачи о нахождении траектории движения тела в евклидовом² пространстве, если на него не оказывают действия сторонние силы. В этом случае тело движется с постоянной скоростью, а траектории его движения соответствуют прямой.

Учитывая принцип наименьшего действия, из предложенного интеграла потенциально возможно вывести как уравнение движения, так и другие фундаментальные закономерности.

Чтобы перенести подобный принцип из мира физики в пространство труда, на экономического агента потребовалось наложить соответствующее условие: им должны двигать мотивы, заставляющие его оптимизировать свое экономическое поведение. Так как объекты в пространстве подчиняются только естественным законам, экономический агент должен подчиняться только законам экономическим [26].

Заметим, что под влиянием механицизма А. Смит предъявлял симметричные естественно-научным требования к агенту в экономике. Поэтому, несмотря на его попытки осмыслить экономические мотивы человека [13], основанные на нравственности, попавший в экономическое пространство объект не мог получить свойства нефункционального характера. Этот набор свойств и законов делает экономического агента объектом, который подчиняется обстоятельствам. Он обречен находить максимальную выгоду. Упомянем также, что в представлениях Ньютона все объекты состояли из идентичных атомов – прообраз единого экономического агента.

Кроме того, интерпретация принципа наименьшего действия может быть применима к пониманию представления «не-

² Конечномерное вещественное векторное пространство R^n с введенным на нем скалярным произведением.

видимой руки рынка». Как мы отмечали ранее, согласно этому принципу объект оптимизирует свою траекторию, что можно перефразировать следующим образом: все неэффективные маршруты не используются объектом [25].

Перенос принцип наименьшего действия в экономику, можно легко понять природу утверждения о максимизации действия экономическим агентом. Для экономики принцип наименьшего действия звучит так: агент всегда выбирает путь из точки *A* в точку *B* вдоль траектории, где он затратит минимальное количество труда для получения максимального экономического результата.

Пространства, в которых функционирует рациональный агент экономики

Упомянем традиционное определение институтов, которое принадлежит Д. Норт и показывает, что институты формируют и поддерживают систему правил: формальных, закрепленных в законах, или неформальных, регламентированных внутри групповыми договоренностями (вербальными или невербальными) [24]. Механизмы принуждения к исполнению правил (специализированные и неспециализированные) становятся критериями, дифференцирующими формальные и неформальные институты.

Обращает на себя внимание дополнение, которое сделал В. Л. Тамбовцев, что сам индивид, взаимодействующий с институтами, должен определять свои действия как член сообщества, причисляющего себя к этим институтам. То есть действия агента должны подчиняться рациональности, действующей в институциональном пространстве. Вместе с тем следует отметить идеи В. Л. Тамбовцева о том, что агент может принять из всего множества правил лишь некоторые, наиболее значимые для него. То есть в каждой конкретной ситуации индивид может отнести себя лишь к одной системе неформальных институтов. Так, он отмечает, что ««полный» статус человека – всегда сочетание

многих «частичных» статусов, обусловливаемых множеством правил, которые соответствуют любой реальной жизненной ситуации» [15. – С. 9].

Объект экономики может обрастать новыми социальными свойствами, если для его определения будут введены дополнительное измерение и принципы, которые позволят перевести представление о культуре в функциональную плоскость.

В разделах физики, изучаемых после механики, у объекта появляются свойства, позволяющие оценивать его реакцию на полевые воздействия. Аналогии, характеризующие эти свойства, уже нашли свое место в институциональной экономике [19]. Мы же отметим, что благодаря принципу таксономии последующие разделы физики не отменяют, но дополняют механику. Так, принцип наименьшего действия сохраняет свою универсальность для всех разделов физики [18].

Институциональное поле аналогично электромагнитному искривляет пространство труда так, что объекты, попадающие в него, вынуждены корректировать свои экономические действия. При этой корректировке свойства природы (принцип наименьшего действия) остаются неизменными.

В институциональном поле наименьшая траектория, вдоль которой агент направляет свой труд, меняется. Здесь могут появиться силовые линии, которые скорректируют наиболее эффективную траекторию движения агента.

В этом случае институты становятся объектами пространства мыслительного, структурированного в духе П. Бурдьё, которое «искривляет» экономическое пространство, где оперирует агент [2].

Таким образом, прямая, изображавшая кратчайший путь (см. рис. 1), а именно трудовые затраты, необходимые для попадания из точки *A* в точку *B*, вследствие того, что труд теперь производится в институциональном поле, деформируется (рис. 2). Например, продавец выращивает огурцы на продажу. При попадании этого

процесса производства в поле институтов ему потребуется совершить дополнительный труд для того, чтобы у него появились необходимые документы как на ведение предпринимательской деятельности, так и на необходимую подготовку продукта и земли в соответствии с принятыми стандартами. То есть в рамках программы исследований, построенной на методах физикализма, пространство труда «искривляется» полями институтов.

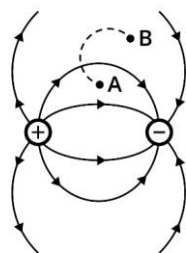

Рис. 2. Пример движения элементарного объекта в электромагнитном поле

В программе исследований И. Ньютона объект исследования представлял модель, называемую материальной точкой. Не стоит говорить о том, что такого объекта в природе не бывает. Однако модель прижилась. Впрочем, когда мы исследуем полевые феномены, эта точка ведет себя так, как если бы у нее был заряд. Подобные рассуждения можно построить и для агента экономики в пространстве труда, в котором действуют институты (институциональном пространстве). Модель экономического человека также описывает объект, не существующий в природе, однако она оказалась наиболее конкурентоспособной для формулировки законов и принципов доинституционального исследования.

По мере эволюции теории организации ученые (например, [10]) были вынуждены признать и обратить внимание на два аргумента: 1) внутренняя структура организации вовсе не монолитна, но представляет собой отдельное пространство, в котором существуют и взаимодействуют агенты – сотрудники организаций; 2) пространство внутри организации формируется посред-

ством не только экономических, но и социальных факторов.

Приходится допустить, что агент экономики – домохозяйство – может руководствоваться другими, например, социальными мотивами в принятии экономических решений [21]. Модель максимизатора, обладающего полным знанием, заменяется на менее жесткую формулировку рационализатора [12], который функционирует в условиях неполноты информации. О таком агенте говорил О. Уильямсон, который апеллирует к образу «человека такого, каков он есть» (по Коузу, человека, функционирующего в системе институтов): оппортуниста, действующего в условиях неполноты информации [16]. Агенты, проявляющие не только экономические, но и социальные свойства, также продолжают оптимизировать свои действия в предположении социоэкономической рациональности [8]. О воспроизводстве социоэкономических структур в процессе экономического взаимодействия говорит, например, профессор П. А. Ореховский [11].

Таким образом, наше определение пространства труда получает доопределение. Это подпространство формальных институтов, которые воздействуют на траектории, по которым движутся объекты, руководствуясь мотивами максимального извлечения прибыли (правила, влияющие на хозяйственную жизнь агентов). При этом, кроме подпространства формальных институтов, возникают измерения неформальных институтов и вводятся негласные правила соответствия труда (культурно-нравственные правила, руководствуясь которыми агент выстраивает свою хозяйственную жизнь). Измерения формальных и неформальных институтов в общем случае не совпадают, однако согласно рациональности агента на оптимизацию его деятельности влияют и те и другие измерения. То есть агент действует в расширенном экономическом пространстве, в котором учтены правила, заданные формальными и неформальными институтами, – социоэкономическом, где введены метри-

ки, согласно которым оси координат фиксируют изменения труда агента – функцию, которая описывает его действия: $f(x_n, x_k, t)$, где x – измерения социоэкономического пространства мерности $n + k$, где n – размерность только экономического подпространства, а k – измерения, приобретенные из-за социальных взаимодействий агента.

Условимся называть единицы, в которых измеряется труд агента на разных осях, эквивалентами очков репутации. Очки репутации – точки проекций значений функции. То есть социоэкономическая функция, определяющая траекторию движения агента в пространстве труда, может на координатной прямой принимать значения, фиксирующие приобретенные очки репутации агента (область значений метрики как функции). Например, в случае формальных институтов этим очкам репутации будет отвечать товарная стоимость, т. е. труд агента в рыночной логике соответствует товарной стоимости, которую он произвел, двигаясь вдоль траектории своей функции труда. Совершаемый агентом труд может быть зафиксирован в разных координатных плоскостях согласно тем правилам институтов, в рамках которых труд может быть обменян на соответствующий эквивалент репутации.

Пространство труда, организованное в рыночной логике (двумерное пространство) и с закрепленным механизмом передачи прав собственности, – это и есть рынок. В этом пространстве агенты направляют свой труд лишь на увеличение его товарной стоимости. В этой логике денежная стоимость является высшей ценностью, так что максимизация труда происходит с целью увеличения денежного эквивалента.

Отсюда возможно определить формальные институты как совокупность социоэкономических правил, которые искажают и задают пространство рынка со специализированными механизмами принуждения к исполнению правил.

В случае, когда индивид действует в плоскости нерыночного пространства, он направляет свой труд на увеличение нерыночной стоимости активов (будем называть это альтернативной плоскостью пространства труда). Таких плоскостей может быть не одна, но так как в каждом конкретном случае агент регламентирует свою деятельность сводом правил одной институциональной организации, то пространство труда становится $(n + 1)$ -мерным.

Неформальные же институты можно определить как совокупность социоэкономических правил, над которыми индивиды не властны и которые искажают плоскость, альтернативную рыночной, в которой и реализуется агент с неспециализированными механизмами принуждения исполнения правил.

Значимым для институциональной экономики понятием становится организация. Так, К. Менар выделяет три подхода для описания этого понятия:

- интеграционный;
- основанный на принципе дополненности;
- функциональный, дающий возможность коллективу изменять свою производительность и вознаграждение, реализовать общие интересы [10. – С. 21–22].

С нашей точки зрения, для лучшего понимания принципа формирования пространства организации и самого объекта стоит прибегнуть к объяснительным принципам физикализма.

О. Уильямсон говорит о трансакционных издержках как о силе трения [17]. Обратим внимание в контексте статьи, что сила трения в макромире появляется в результате полевых взаимодействий на микроуровне. То есть когда говорят, что на тело действует сила трения, можно конкретизировать, что атомы тела вступают в полевые взаимодействия с поверхностью, по которой тело перемещается.

Для экономики эта метафора может быть адаптирована следующим образом: тело макромира – аналог организации.

У него также есть границы и внутренняя структура.

В пространстве тело становится одной из инерциальных систем отсчета – движется с постоянной скоростью.

Для экономики это может быть дополнением к определению организации как пространства, альтернативного рыночному. Через призму физикализма организация, все еще являясь объектом общего пространства, может иметь внутреннюю структуру.

Возвращаясь к вопросу метафоры тренинга, следует отметить, что во внутренней структуре организации действуют неформальные институциональные поля, т. е. домохозяйства организации могут трудиться в отличной от общей формальной логике.

Результатом таких действий на микроуровне как раз и становится необходимость увеличения трансакционных издержек на макроуровне.

Теперь определим организацию как пространство обычно со сформированными границами и определенной внутренней логикой для рационализации действий агента. Хотя сам вопрос определения границ организации до конца не изучен, можно говорить о том, что в общем экономическом пространстве есть области, которые будут принадлежать организации. Таким образом, можно всегда ответить на вопрос о принадлежности конкретного домохозяйства организации по признакам, маркирующим его действия как выполняемые в логике и интересах организации.

В этом подпространстве заданы социально-экономические правила, определяющие действия индивида. Вместе с тем организация действует во внешней среде как единый агент и подчиняется формальным институтам внешнего пространства.

Заключение

Принцип неполноты информации (по Уильямсону) приходит на смену всеобщему знанию агента, а оппортунизм вместе с рациональностью приходят на смену мак-

симизации полезности. Используя эти замены, можно продолжать говорить об агенте, который подобен *homo economicus*, но действует в социоэкономическом пространстве.

В этих аналогиях у агента экономики появляются новые свойства и метафоры, их описывающие. Он больше не объект только механики, скорее, мы должны искать метафоры для описания его свойств и в других разделах физики. Кроме того, у агента появляются свойства, делающие его осмысление более сложной задачей, которая предполагает выработку комплексного подхода на стыке естественных и гуманитарных наук [7].

Стоит также отметить, что использование физикализма для метафоризации объектов экономики переносит исследуемую часть феноменов в моделируемые величины, что накладывает рамки на применение этого метода. Используя физикализм, можно смоделировать объект и пространство, в котором он будет функционировать. Однако этот метод не может дать программу для описания механизма возникновения объекта как такового.

Метафоры естественных наук должны быть дополнены методами из наук гуманитарных для полноценного применения в экономике. Например, подобная аксиоматика делает исключениями вопросы, исследуемые по программе поведенческой экономики.

Также заметим, что апелляция к феноменам микромира в физике необходимым образом влечет запрос на поиск объяснительных метафор пространственных искажений для экономики. Искажения пространства должны быть осмыслены для пространства труда, в котором действуют объекты институциональной экономической теории. Представления институционализма выявляются в аналогиях электродинамической картины мира, где агенты экономики становятся аналогами квантовых частиц. Благодаря таксономии физической науки мы можем расширить понимание агента экономики и внести в факто-

ры, влияющие на оптимизацию его действия, культуру и традиции, зафиксированные в окружающих институтах. Например, в нашем исследовании мы искали метафоры в таких разделах физики, как механика, электричество, релятивизм, квантовая механика, квантовая электродинамика.

Кроме того, сам метод физикализма апеллирует к метафорам разделов академической физики и выносит за скобки синергетические теории.

Отмечая феномены микроэкономики, правильно будет говорить не о глобальном рынке, а о местах встречи покупателя и продавца, и каждое такое место описывать в отдельности, указывая, какие феномены могут повлиять на обстоятельства образования цены, и выделяя это место относительно других. Каждое такое место становится отдельным пространством со значимыми для него социальными и экономическими измерениями.

Список литературы

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с франц. под общ. ред. С. Фокина. – М. : Новое литературное обозрение, 2011.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. – СПб. : Алетейя, 2007.
3. Веблен Т. Теория праздного класса : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1984.
4. Губбеева З. О., Каширин А. Ю., Шлапакова Н. А. Концепция современного естествознания. – Тула : Издание Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2001.
5. Капелюшников Р. И. Кто такой Homo oeconomicus? // Экономическая политика. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 8–39.
6. Кошовец О. Б., Вархотов Т. А. Натурализация предмета экономики: от погони за естественно-научными стандартами к обладанию законами природы // Философско-литературный журнал «Логос». – 2020. – № 3 (136). – С. 21–54.
7. Лебедев С. А. Научная картина мира в ее развитии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2012. – № 3. – С. 3–29.
8. Лозина О. И., Тутов Л. А. Оппортунистическое поведение и конкурентоспособность работника в современной организации // Научные исследования экономического факультета : электронный журнал. – 2019. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 21–29.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества : пер. с англ. – М. : АСТ, 2003.
10. Менар К. Экономика организаций. – М. : Инфра-М, 1996.
11. Ореховский П. А. Инновационная экономика в свете теории неявного контракта // Общество и экономика. – 2011. – № 3. – С. 5–35.
12. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 3. – С. 17–38.
13. Смит А. Теория нравственных чувств. – М. : Республика, 1997.
14. Степин В. С. Теоретическое знание. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.
15. Тамбовцев В. Л. Методология эмпирического анализа неформальных институтов // Journal of Institutional Studies. – 2020. – № 3. – С. 6–23.
16. Уильямсон О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 3. – С. 39–49.
17. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки и «отношенческая» контрактация : пер. с англ. – СПб. : Лениздат, 1996.

18. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. – Т. 6. Электродинамика : пер. с англ. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2004.
19. Фролов Д. П. Метафоризм институционализма: физикализм vs биологизм // Пространство экономики. – 2013. – № 3. – С. 34–51.
20. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории : пер. с англ. – М. : Дело, 2003.
21. Щербаков И. В. Мотивация экономической деятельности человека: направления повышения эффективности // Государственное управление : электронный вестник. – 2017. – № 64. – С. 377–388.
22. Эткинз П. Десять великих идей науки. Как устроен наш мир. – М. : АСТ : Астрель, 2008.
23. Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular // Sociological Theory. – 1985. – Vol. 3. – N 1. – P. 99–114.
24. North D. C. Economic Performance through Time // American Economic Review. – 1994. – N 84 (3). – P. 359–368.
25. Sebba G. The Development of the Concepts of Mechanism and Model in Physical Science and Economic Thought // American Economic Review, Papers and Proceedings. – 1953. – Vol. 43 (1953). – P. 259–268.
26. Thoben H. Mechanistic and Organistic Analogies in Economics Considered // Kyklos. – 1982. – N 35 (2). – P. 292–306.

References

1. Boltanski L., Chiapello E. Noviy duh kapitalizma [New Spirit of Capitalism], translated from French under the general editorship by S. Fokin. Moscow, New Literature Review, 2011. (In Russ.).
2. Burde P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of Social Space]. Saint Petersburg, Aleteyya, 2007. (In Russ.).
3. Weblen T. Teoriya prazdnogo klassa [Theory of Idle Class], translated from English. Moscow, Progress, 1984. (In Russ.).
4. Gubbyeva Z. O., Kashirin A. Yu., Shlapakova N. A. Kontseptsiya sovremennogo estestvoznaniya [The Concept of Today's Natural Science]. Tula, Publication of the Tula State L. N. Tolstoy Pedagogical University, 2001. (In Russ.).
5. Kapelyushnikov R. I. Kto takoy Homo oeconomicus? [Who is Homo Economicus?]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2020, Vol. 15, No. 1, pp. 8–39. (In Russ.).
6. Koshovets O. B., Varhotov T. A. Naturalizatsiya predmeta ekonomiki: ot pogoni za estestvenno-nauchnymi standartami k obladaniyu zakonami prirody [Naturalization of Economy Subject: from Chasing Natural Science Standards to Possessing Laws of Nature]. *Filosofsko-literaturniy zhurnal «Logos»* [Philosophic and Literature Journal 'Logos'], 2020, No. 3 (136), pp. 21–54. (In Russ.).
7. Lebedev S. A. Nauchnaya kartina mira v ee razvitii [Scientific View of the World in its Development]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy], 2012, No. 3, pp. 3–29. (In Russ.).
8. Lozina O. I., Tutov L. A. Opportunisticheskoe povedenie i konkurentosposobnost rabotnika v sovremennoy organizatsii [Opportunistic Behavior and Competitiveness of

Worker in Today's Organization]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakulteta: elektronniy zhurnal* [Academic Research of the Economics Faculty: E-Journal], 2019, Vol. 11, Issue 1, pp. 21–29. (In Russ.).

9. Markuze G. Odnomerniy chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrialnogo obshchestva [1-D Man. Researching Ideology of Developed Industrialized Society], translated from English. Moscow, AST, 2003. (In Russ.).

10. Menar K. Ekonomika organizatsiy [Economics of Organization]. Moscow, Infra-M, 1996. (In Russ.).

11. Orekhovskiy P. A. Innovatsionnaya ekonomika v svete teorii neyavного kontrakta [Innovation Economy in View of Vague Contract]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2011, No. 3, pp. 5–35. (In Russ.).

12. Saimon G. Ratsionalnost kak protsess i produkt myshleniya [Rationality as Process and Product of Thinking]. *THESIS*, 1993, Vol. 1, Issue 3, pp. 17–38. (In Russ.).

13. Smith A. Teoriya npravstvennykh chuvstv [Theory of Moral Feelings]. Moscow, Republic, 1997. (In Russ.).

14. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Tradition, 2000. (In Russ.).

15. Tambovtsev V. L. Metodologiya empiricheskogo analiza neformalnykh institutov [Methodology of Empiric Analysis of Informal Institutes]. *Journal of Institutional Studies*, 2020, No. 3, pp. 6–23. (In Russ.).

16. Williamson O. I. Povedencheskie predposylki sovremennogo ekonomicheskogo analiza [Economic Preconditions of Current Economic Analysis]. *THEISIS*, 1993, Vol. 1, Issue 3, pp. 39–49. (In Russ.).

17. Williamson O. I. Ekonomicheskie instituty kapitalizma. Firmy, rynki i «otnoshencheskaya» kontraktatsiya [Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets and 'Relation' Contracting], translated from English. Saint Petersburg, Lenizdat, 1996. (In Russ.).

18. Feinman R., Leiton R., Sends M. Feynmanovskie lektzii po fizike [Feinman's Lectures on Physics]. Vol. 6. Elektrodinamika [Electro-Dynamics], translated from English, 3th edition. Moscow, Editorial URSS, 2004. (In Russ.).

19. Frolov D. P. Metaforizm institutsionalizma: fizikalizm vs biologizm [Metaphorism of Institutionalism: Physicalism vs Biologism]. *Prostranstvo ekonomiki* [Economy Space], 2013, No. 3, pp. 34–51. (In Russ.).

20. Hodzhson D. Ekonomicheskaya teoriya i instituty: manifest sovremennoy institutsionalnoy ekonomicheskoy teorii [Economic Theory and Institutions: Manifest of Current Institutional Economic Theory], translated from English. Moscow, Delo, 2003. (In Russ.).

21. Shcherbakov I. V. Motivatsiya ekonomicheskoy deyatel'nosti cheloveka: napravleniya povysheniya effektivnosti [Motivation of Economic Activity of Person: Trends of Efficiency Raising]. *Gosudarstvennoe upravlenie: elektronniy vestnik* [State Administration: E-Bulletin], 2017, No. 64, pp. 377–388. (In Russ.).

22. Etkinz P. Desyat velikih idey nauki. Kak ustroen nash mir [Ten Great Ideas of Science. How our World is Built]. Moscow, AST: Astrel, 2008. (In Russ.).

23. Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular. *Sociological Theory*, 1985, Vol. 3, No. 1, pp. 99–114.

24. North D. C. Economic Performance through Time. *American Economic Review*, 1994, No. 84 (3), pp. 359–368.

25. Sebba G. The Development of the Concepts of Mechanism and Model in Physical Science and Economic Thought. *American Economic Review, Papers and Proceedings*, 1953, Vol. 43, pp. 259–268.

26. Thoben H. Mechanistic and Organistic Analogies in Economics Considered. *Kyklos*, 1982, No. 35 (2), pp. 292–306.

Поступила: 07.06.2024

Принята к печати: 10.09.2024

Сведения об авторах

Максим Юрьевич Чурилин

соискатель ИЭ РАН,
Центр методологических
и историко-экономических исследований,
сектор философии и методологии
экономической науки.

Адрес: ФГБУН «Институт экономики
Российской академии наук»,
117218, Москва,
Нахимовский проспект, д. 32.
E-mail: mafiz@yandex.ru

Татьяна Андреевна Валиулина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации
в области медиатехнологий
Института международных отношений
и социально-политических наук МГЛУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский
государственный лингвистический
университет», 119034, Москва,
ул. Остоженка, д. 38.

E-mail: tatiana.valiulina@gmail.com

Information about the authors

Maxim Yu. Churilin

Post-Graduate Student of the IE RAS,
Center for Methodological
and Historical-Economic Research,
Branch of Philosophy and Methodology
of Economic Science.

Address: Federal State Budgetary Institution
of Science Institute of Economics of the Russian
Academy of Sciences, 32 Nakhimovsky Avenue,
Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: mafiz@yandex.ru

Tatiana A. Valiulina

PhD, Assistant Professor
of the Department of Linguistics
and Professional Communication
in Mediatechnologies at the Institute
of International Relations and Socio-Political
Sciences of the MSLU.

Address: Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education «Moscow State
Linguistic University», 38 Ostozhenka Str.,
Moscow, 119034, Russian Federation.
E-mail: tatiana.valiulina@gmail.com